

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6
П68

Правдин, Дмитрий

П68 Записки студента-медика. Ночь вареной кукурузы/
Дмитрий Правдин. — Москва: Издательство АСТ, 2020. —
384 с. — (Научно-популярная медицина).

ISBN 978-5-17-127012-4

— Какой унылый видок, — громко нарушил молчание, царившее в автобусе — Рома Попов, коренастый, черноволосый семнадцатилетний юноша, сидевший в левом ряду салона у окна, что сразу за водителем, — неужели нам тут целый месяц чалиться?

Но ему никто не ответил. Будущие студенты медики, а пока еще отправленная в колхоз бесправная абитура, не горели желанием шевелить языком в такой пропылённой духоте и вступать в сомнительные дискуссии. Не спасали пассажиров и открытые настежь окна: в салоне жутко пахло бензином и раскаленным железом — автобус внутри почему-то почти не охлаждался. Двадцать девчат и десять парней под присмотром пары серьезных с виду преподавателей с рюкзаками и спортивными сумками, в рабочей одежде неслись вперед, навстречу трудовому подвигу в колхоз «Красный пахарь».

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-17-127012-4

© Правдин, Д., 2020
© ООО «Издательство АСТ», 2020

ГЛАВА 1

Полуденная жара пошла на убыль, от бескрайних картофельных грядок по обе стороны дороги, закатанной в потрескавшийся асфальт, потянуло вечерней прохладой. Автобус с будущими студентами медицинского института бодро катил по осенней пыли «в колхоз». Чахлые рощицы, поля с пожухлой ботвой и серой рассыпчатой землей мелькали за окнами.

— Какой унылый видок, — нарушил царившее в автобусе молчание, Рома Попов, коренастый, черноволосый семнадцатилетний юноша, — неужели нам тут целый месяц мучиться?

Но ему никто не ответил. Будущие медики тряслись в жарком автобусе в пропылённой духоте, и разговаривать никому не хотелось. Не спасали пассажиров открытые настежь окна: в салоне пахло бензином и раскаленным железом. Двадцать девчат и десять парней в рабочей одежде с рюкзаками и спортивными сумками двигались навстречу трудовому подвигу в колхоз «Красный пахарь».

— А может и того больше, — неожиданно поддержал разговор хмурого вида водитель — пожилой усатый дядька в красной клетчатой рубаше. Похоже, он меньше всех страдал от жары. Из приоткрытого бокового окна освежающая воздушная струя точно била в его загорелую грудь.

— В смысле? — Рома оторвался от окна и посмотрел на покрытый кожными складками затылок собеседника.

— А без смысла, — ухмыльнулся шофер, — пока все не уберете, вас никто никуда непустит.

— Вот это все мы должны убрать? — абитуриент растерянно обвел рукой мелькавшие за окном поля.

Ребята оживились, в автобусе возник нездоровый гул. Не успевшие еще перезнакомиться между собой первокурсники очнулись от дорожной спячки, вызванной монотонным гудением двигателя и длинной дорогой. Их тон явно носил недружелюбный характер. Взбодрились и уставшие преподаватели: Максим Сергеевич Полоскун, ассистент кафедры инфекционных болезней — пухлый невысокий весельчак с аккуратной эспаньолкой на породистом лице и Виктор Сергеевич Мохнатов, ассистент кафедры факультетской хирургии — сорокалетний мрачного вида дядька, сухой и жилистый, с угрюмым гладковыбритым лицом.

— Товарищ, как вас там? — не выдержал Максим Сергеевич, — Вы чего нас заранее расстраиваете?

— Геннадий Михайлович я, а можно просто — Михалыч. Ничего я вас не расстраиваю, наоборот, подготавливаю к суровой правде жизни.

— И в чем же, по-вашему, правда? — продолжил инфекционист. — Нам сказали, что мы едем ровно на месяц. Вот сегодня, в понедельник 25 августа 1986 года начался отчет. Следовательно, 25 сентября мы убудем обратно.

— Убудете, если все уберете, — не моргнув глазом, продолжил беседу Михалыч. — А не уберете, тут уж извиняйте, придется остаться. В прошлом году студенты с пединститута к нам приезжали: тоже, вроде как, на месяц. А, мягко говоря, работали спустя рукава. Пришлось им еще на пару недель задержаться, до самых белых мух. А вы разве не в курсе?

— Нет, — Полоскун погладил холеную бородку, — первый раз слышу. Мы как-то с пединститутом не пересекаемся.

— А зря, — недовольно крякнул Михалыч, — они много чего могли бы рассказать

— Вы нас тут не пугайте, у нас с первого октября начинается лекционная неделя.

— Макс, — толкнул его в бок, сидевший рядом Виктор Сергеевич, — не кипятись. У нас впереди вагон времени.

Может, наоборот, еще раньше уедем. А ты тут уже преждевременную панику наводишь.

— А вот раньше, хе-хе, — улыбнулся водитель, — вряд ли удастся уехать.

— А если дожди вдруг затянут? — крикнул кто-то из студентов, — Ведь в дождь, никто картошку не копает.

— Не копает, — согласился Михалыч, сбавляя скорость перед небольшой ямой, — не переживайте — в колхозе работа всегда найдется. К примеру, в овощехранилище. Картошку мало убрать, ее еще и отсортировать нужно, просушить и засыпать на хранение.

Симпатичная девочка с умненьким личиком в новой спортивной форме, сидевшая впереди преподавателей, отложила сумку.

— А я по телевизору смотрела, что сейчас в колхозах и совхозах почти все механизировано. И роль человека в уборке и обработке урожая, в том числе и картофеля, сведена к минимуму.

— Это где ты такое смотрела?! — водитель обернулся, оторвав глаза от дороги.

— По телевизору, — улыбнулась абитуриентка. — Не помню, как передача называлась, кажется, «Сельский час».

— Не знала, Маша, что ты такие передачи смотришь, — фыркнула ее соседка справа.

— А что, интересная и познавательная передача. Я же знала, что нам предстоит в колхоз ехать, после того как в институт поступим, и решила ознакомиться, что к чему. Я же в деревне никогда не была и корову только видела только по телевизору.

— Да-а-а, много мы с такими помощниками нарботаем, — поморщился Михалыч. — Корову они по телевизору видели, и то, что весь процесс сборки нового урожая механизирован, узнали случайно. С какой стороны к грядке подойти не знают. Да сроду в нашем колхозе все руками собирали. Ручонками вот этими! Картофелекопалка только

рядки вам подкопает, а следом становишься на четвереньки и пошел в ведра картоху метать, а дальше в машину ее ссыпашь. Вот вам и вся механизация. Да, есть еще сортировка на овощехранилище. Она вроде как автоматически все делает. Только ломается часто. А ремонтировать у нас не спешат. А и зачем? Если каждый год студентов к нам присылают.

— Зачем вы так? — инфекционист посмотрел на крутящего баранку Михалыча, — многие наши ребята городские, про крестьянскую работу только понаслышке знают. Но они, вообще-то, в медицинский поступили, а не в сельхозинститут. И не виноваты они, что их тащат к вам на помощь.

— Ага, — скривился Михалыч, переключая рычаг скоростей, — жрать-то мы все горазды, а как это достается ...

— Ну, знаете, — возмутилась Вика Глазова, — если бы нам не грозили отчислением за ваш колхоз, то никто бы сюда из нас и носа не показал. Я, между прочим, на врача пошла, учиться, а не в поле вашем грязь месить. Если у нас все рванут в деревню работать вместо учебы, то кто же вас лечить, потом станет.

— Вика, прекрати, — одернул ее Максим Сергеевич, — партия сказала надо — комсомол ответил — есть! Ты же комсомолка?

— И что с того? Поэтому я должна целый месяц, или как нас тут обрадовал уважаемый водитель, и того больше, на картофельном поле себе грыжу зарабатывать. Мне-то это зачем?

— Девушка, да не расстраивайтесь вы так, — улыбнулся Михалыч, — У меня внучка ваша ровесница, ей тоже семнадцать исполнилось, в этом году в Питере в Политех после десятилетки поступила, так их тоже сейчас в колхоз отправляют. Просилась, чтоб к нам в деревню послали, не разрешили. Сказали, что по месту учебы надо в колхоз ехать.

— Михалыч, а вы серьезно говорили, что мы все это, — Виктор Сергеевич кивнул в сторону окна, — должны будем убрать?

— Да, не, это вы убирать совсем не станете. Это земли колхоза «Красное знамя», а до нашего «Красного пахаря» еще минут сорок. У нас и места красивше и земля помягше, и даже лес и озеро имеются. Можно грибы собирать и рыбу удить, если, конечно, у вас силы останутся. А в «Красном знамени» — одни поля и леса нет совсем.

— И что мы, по-вашему, с этой рыбой и грибами делать будем? — удивился Рома. — Где жарить?

— А, ну да, ну да, — смутился Михалыч, — это я погорячился. Вам и грибы пожарить-то негде.

— А, правду говорят, что ваш колхоз миллионер? — проявил осведомленность тоненький бледный мальчик в больших очках и наружностью ботаника Павлик Прохоров.

— Миллионер, — кивнул Михалыч, — точно миллионер — два миллиона государству должен.

— Как так? А я в газетах читал, что он один из передовых колхозов области.

— В передовых, по долгам.

— Так получается, что мы у вас ничего не заработаем? — приуныл Павлик.

— А ты что, еще и заработать в колхозе собрался? — тряхнула двойным подбородком Вика Глазова, с жалостью посмотрев на «ботаника».

— А почему бы и нет? Нам же должны за нашу работу какие-то трудодни, или как там сейчас называется, начислять? У меня старший брат два года подряд ездил в колхоз, так на мотоцикл себе заработал.

Красивая девочка Маша Старцева вновь блеснула знаниями из телевизора:

— Да, я тоже слышала в одной передаче, что студентам полагается заработанная плата. Не такая как у вас, потому как наш труд не квалифицированный, но он тоже должен оплачиваться.

— Ну, во-первых, вы еще никакие не студенты, — покопился на нее многоопытный Михалыч, — вы еще колхоз сна-

чала переживите. А во-вторых, насчет оплаты поговорите с председателем колхоза, может, он вам что-то и заплатит. Вычтет за питание, за проживание, за спецодежду, а что останется, то ваше. Вот в прошлом году студенты из пединститута ничего не заработали, еще и должны колхозу остались.

— Как это должны? — поправил сползшие на кончик носа очки Павлик.

— А вот так: больше проели, чем заработали. Картошки мало собрали. Вон позапрошлый год были студенты из технологического института, те хорошо заработали. Правда, среди них половина деревенских ребят оказалась. Те с детства к нашему труду приучены. А у вас деревенских много?

— Я из деревни. Я, — слышались тихие голоса с задних рядов,

— А я из поселка, но мы тоже картошку сажаем, — гордо произнес один высокий рыжий мальчик с оттопыренными ушами, но увидев насмешливые взгляды в свою сторону, быстро стушевался и замолчал.

— Что и требовалось доказать, — покачал головой Михалыч, — три человека. А остальные картошку только в магазине видели. Ну, о чем тут говорить?

В салоне повисла неловкая пауза. За окном тем временем поля закончились.

— Почти приехали, — Михалыч свернул с дороги вправо к выросшему, словно из-под земли населенному пункту, — вот наша деревня Петровка.

— Большая деревня, — крепкий, короткостриженный парень ткнул пальцем в окно, — даже трехэтажки имеются.

Четыре трехэтажных дома из белого кирпича с телевизионными антеннами на крышах находились на въезде в деревню. Толком рассмотреть ничего не удалось из-за столба пыли, выбитой колесами обогнавшего их автобус новенького молоковоза.

— Ах ты, Серега, язви тебя в душу, — выругался Михалыч и со всей силы надавил на клаксон, издав душераздирающий

затяжной звук: «би-и-и-и-и». Но Серега не остановился, а попылил дальше, громыхая пустой желтой цистерной с синей надписью «Молоко». — От же паразит какой, на вечернюю дойку опаздывает и теперь несется как угорелый! Ну, я ему задам, бандиту, когда поймаю, — Михалыч погрозил «набитым» от долгого вращения жесткого руля кулаком и сбросил скорость.

— Весело тут у вас, — громко произнес кто то.

— Страда, — Михалыч, вглядывался в дорогу. Когда пыль осела, он прибавил скорость.

Тем временем автобус подрулил к двухэтажному чистенькому деревянному зданию, обшитому снаружи синей вагонкой. Рядом с крыльцом висела покрытая стеклом табличка, где сообщалось, что здесь находится правление колхоза «Красный пахарь».

— Ребята, я вам вот что скажу. Выбирайте себе командира отряда, чтоб был толковый и рассудительный парень, чтоб разбирался в деревенских особенностях. И пускай он контролирует всю работу: сколько вы машин картошки за день собрали. Если придется потом в овощехранилище работать, сколько ее отсортировали, сколько засыпали. Ну и так дальше. И главное, записывайте номера машин, с которыми будете работать. Потом в конце рабочего дня здесь у председателя или кто его заменять будет, сверяйте с нарядами. Главное записывайте все номера машин.

— А для чего это нужно? — спросил Максим Сергеевич. — Что-то я не очень понимаю?

— Да чтоб вас не облапошили с оплатой, чудак-человек, — впервые за всю дорогу Михалыч душевно улыбнулся.

— Ясно! — воскликнул инфекционист. — Спасибо вам, Михалыч, за добрый совет! Только кого же мы изберем на роль командира отряда? Ребята же между собой почти незнакомы. Может, кто предложит?

— Предлагаю назначить меня, — без ложной скромности оживились девчонки. — Меня!

— Вика, — Полоскун посмотрел на одну из них, — посмотрел впереди себя — а ты что, из деревни?

— Еще чего! — фыркнула Вика. — Всю жизнь в городе прожила, а разве по мне не заметно?

— Заметно, поэтому я и спрашиваю, чего вдруг ты свою кандидатуру предлагаешь, хотя о деревенской жизни не имеешь ни малейшего представления. Вон Маша Старцева, — инфекционист подсмотрел список, лежащий у него на колене, — тоже городская, но она хотя бы «Сельский час» смотрит. А ты ни сном, ни духом в сельском хозяйстве.

— А я всегда была лидером: вначале председателем совета дружины школы, а после секретарём комитета комсомола школы. И тут в институте, думаю, стану старостой или, как правильно говорить?

— Старостой, — кивнул Максим Сергеевич, обводя взглядом готовившихся на выход абитуриентов, — но здесь это не поможет. В теме надо быть. Парень, вот, как тебя?

— Александр Твердов.

— Так, Твердов! — улыбнулся Максим Сергеевич, еще раз посмотрев на список. — Ты же еще говорил, что Петровка большая деревня?

— Говорил.

— Ты сам, откуда родом? Ну, из какой местности: городской, деревенский?

— Я из поселка. Если вы имеете ввиду сельскохозяйственные навыки, то они у меня есть. У родителей был большой огород, и в школе нас, начиная с восьмого класса в подшефный колхоз отправляли. У меня это колхоз уже четвертый по счету.

— Ну вот, как раз то, что надо! Парень, я вижу, ты серьезный, о картофеле, знаешь не понаслышке.

— Вы что, меня предлагаете в председатели, тьфу, как его?

— Командиры. В командиры отряда выдвигаю, — улыбнулся Максим Сергеевич

— Ну, я как-то не готов, — замялся Твердов. — Никогда, знаете ли, не был командиром.

— Вот, он не был и не желает, а его все равно выдвигают, — со злостью заметила Вика Глазова,

— Так, ребята, есть еще другие кандидатуры? — поинтересовался Максим Сергеевич. — Нет? Тогда давайте голосовать, а то нас уже ждут, — он бегло глянул в сторону крыльца, где рядом с Михалычем стояли рядом два загорелых человека и курили, пуская серый едкий дым.

На улице стояла удушливая безветренная погода. Один курильщик был одет в серый пиджак и мятые брюки (так обычно бывает, когда человек часто и подолгу сидит), другой — в застиранный военный камуфляж и вельветовую кепку.

— Других кандидатур нет, — за всех ответил бойкий Рома Попов и подмигнул новоявленному командиру отряда.

— Нет так нет, давайте голосовать! — энергично произнес Полоскун и первым поднял руку. — Единогласно! Поздравляю! Так, хватит рассусоливать, командир отряда Александр Твердов. Все, ребята, давайте на выход, нас уже местное начальство заждалось.

Вика едва не задохнулась от возмущения, но переборов волну негодования, молча выдернула из-под сидения свою красную сумку и поплелась на выход. Вылезла она из автобуса самой последней. К тому времени ребята уже собрались возле крыльца правления и, тихо переговариваясь между собой, слушали.

Человек в сером костюме и галстукe оказался не председателем колхоза, как многие подумали, а парторгом: вторым человеком в «Красном пахаре», Юрием Ильичем Ендовицким. Ни одно мероприятие не проходило без его непосредственного участия. А тут приезд целой команды помощников в виде трудового десанта из медицинского института в составе 32 человек, включая преподавателей.

Плотный лысоватый человек лет сорока с противной улыбкой на гладко выбритом лице, не думал о многом. Его

тайные помыслы были всегда просты и прямолинейны: все держать под контролем, но самому при этом не работать, ладить с начальством и обеспечивать цензуру среди работников, представляя руководящую и направляющую роль коммунистической партии в отдельно взятом колхозе.

А вот человек в камуфляже, Николай Кузьмич Савин, как раз и являлся местным председателем. Лет пять назад вышедший в отставку военный, уроженец этих мест, в свои пятьдесят с копейками полон сил и энергии. Сухой, поджарый, роста выше среднего, он походил на неутомимого гончего пса. Все его движения руками при разговоре, подёргивание плечами, переминание с ноги на ногу, выдавали в нем желание сорваться с места и бежать немедленно по колхозным делам.

Председатель колхоза кратко, без предисловий объявил, что жить они будут в обычных деревенских домах, причем мальчики и девочки раздельно. Преподавателей определили к Поликарповне, которая уже выделила в своих трехкомнатных хоромках для приезжих комнату с отдельным входом. Мальчишкам предоставили обычную деревенскую избу со снесенными внутри перегородками, девчонкам досталась изба, стоящая в двадцати метрах, большего размера. Удобства, как и положено в деревне, были во дворе.

Любопытно, что жилище Сергеичей, так деревенские по-свойски окрестили преподавателей, Максима Сергеевича и Виктора Сергеевича, отстояло от домов абитуриентов на добрую пару километров. То есть выходило, что бойцы отряда проживали на одном краю деревни, а их непосредственные руководители на другом. И получалось, что ночью ребята оказывались практически без надзора и были предоставлены сами себе. Лишь командир отряда — Александр Твердов, которого уже нарекли промеж себя «Председателем», формально оставался местным начальством.

Савин своей властью распорядился, чтоб первокурсникам выдали спецодежду: резиновые сапоги, куртки и сапоги, вязанные крепкие перчатки. Все имущество следовало полу-

чить на колхозном складе под роспись. Кроме того, в дом к девочкам и мальчикам поставили по черно-белому телевизору.

— Спрос, если раскурочат, с тебя, — Савин похлопал по плечу Твердова, — Антенны на крыше есть, кабель протянут. Надеюсь, соображения хватит, как подключить.

Колхозная столовая располагалась в просторной избе, рубленной из сосновых бревен с побеленной печью и десятком столов в два ряда под голубенькими клеенками. На широком деревянном прилавке были выставлены испеченные тут же плюшки и ватрушки с творогом. Большие просторные окна, с ситцевыми занавесками и вкусные запахи от приготовленных блюд, добавляли домашней обстановки. Над всем царили краснощекие девушки с картин Кустодиева: Марина и Ольга — обаятельные хохотушки.

Язык не поворачивался назвать это уютное место «столовой». Вся еда приготовлена с любовью и казалась необычайно вкусной. Особенно радовало неожиданно большое количество мяса. Не того резинового, долгожующегося, как в городе, а именно Мяса: сочного, мягкого и ароматно-сытного.

После получения спецодежды закинув вещи в свои новые дома, под руководством парторга Ендовицкого проголодавшиеся первокурсники отправились на ужин. Гуляш с густым подливом, картофельное пюре на настоящем молоке, душистый хлеб, испеченный в местной пекарне и огромное количество плюшек и ватрушек с терпким черным чаем подняли настроение даже у самых отчаявшихся бойцов отряда.

— Ребята, не стесняйтесь, кому добавки? — с улыбкой предлагали Марина и Ольга.

Вывалились на улицу абитуриенты с огромными животами и довольными физиономиями.

— Эх, сейчас бы соснуть минут шестьсот, — мечтательно произнес разомлевший Максим Сергеевич.

— Это еще успеется, — холодно оборвал его парторг, — надо решить еще один весьма актуальный вопрос.

— Что еще за вопрос? — напряглись без пяти минут студенты. — Неужели прямо сейчас нас на работу погонят?

— У нас на работу не гонят, — ответил второй по значимости человек колхоза «Красный пахарь», — а цивилизно отвозят на автомобилях. И потом, уже ночь на дворе. Все работы для вас начнутся завтра с утра. За вами в восемь часов заедет наш колхозный автобус, он и отвезет вас вначале на завтрак, а затем сразу в поле.

— Так, а что тогда? — с интересом посмотрел на него Виктор Сергеевич. — Ребята, знаете ли, устали, три часа в автобусе по такой жаре тряслись. Еще надо определиться с ночевкой.

— О-о, — расцвёл парторг, — это не отнимет у вас много времени. Надо определиться со временем подъёма флага.

— Подъемом чего? — чуть не поперхнулся дожёвывавший на ходу ватрушку с творогом Павлик Прохоров. Несмотря на свою ужасающую худобу, он обладал хорошим аппетитом.

— Флага, флага, вы не ослышались, — ответил парторг. — У нас существует традиция: все студенты, что приезжают к нам на картошку, свой новый трудовой день начинают с подъёма флага под гимн Советского Союза. Флагшток надежно вкопан в землю возле ваших домов, а сам флаг и кассету с записью гимна я передам командиру отряда. Надеюсь, магнитофон у вас имеется?

— А если нет, то что? — с вызовом поинтересовался Миша Пакетов, по кличке «Пакет», отчаянный парень, в свое время завсегда с детской комнаты милиции. В институт он поступил исключительно по прихоти своей мамы, главного акушер-гинеколога города. Она почему-то решила, что ее мальчик должен непременно стать врачом.

— Тогда вам придётся перенести ваш подъем на шесть утра, когда гимн играют по радио. Радиоточка в ваших домах оборудована.

— Странно, — переглянулись между собой Сергеичи.

— А чего странного, — парторг посмотрел на абитуру тяжелым взглядом, — подъем флага символизирует начало нового трудового дня и настраивает, так сказать, на трудовой подвиг. Дисциплинирует, в конце концов.

— А без этого никак нельзя? — поморщился Полоскун.

— Да, вы что? — впервые за все время знакомства Ендовицкий перестал улыбаться. — Как можно? Это незыблемая традиция нашего «Красного пахаря». Все студенческие отряды, что приезжали к нам, до вас ее активно поддерживали. Не вижу смысла прерывать. Это же еще и политическое дело.

— Максим Сергеевич, — загорелись глаза у бывшего комсомольского лидера Глазовой, — это же так здорово: начинать новый день под подъем флага и гимн нашей страны.

— Особенно в шесть утра, — пробурчал Сергей Пахомов, больше известный в определённых кругах как «Пахом».

У Пахома папа — доцент в мединституте на кафедре патологической физиологии, который мечтал видеть, как его сынок, стоя рядом с ним, работает с подопытными кроликами. Сынка же, по большей части, воспитывала улица и ему давно уже была уготована судьба закоренелого рэкетира. Но в среде правильных пацанов тогда еще было принято уважать мнение предков, хотя бы формально, и оттого Пахом, скрепя сердце, поступил в мединститут. Парень он не глупый, начитанный, поэтому с лёгкостью сдал вступительные экзамены. Тем более являясь действующим чемпионом города по боксу в среднем весе и заслужив мастера спорта, Пахом представлял повышенный интерес для кафедры физвоспитания, активно борющейся за престиж своего ВУЗа.

— А ты что, сюда спать приехал? — резанула его гневным взглядом Вика.

— Что ты, разумеется, работать: вкалывать до посинения во благо нашей великой Родины! — усмехнулся Пахом.

— Ой, ща расплачусь от умиления, — Пакет знал о Пахоме не понаслышке, — Сережа Пахомов — ударник комму-